

ДЖАДИДЫ БУХАРЫ И ИХ НЕЗАПАДНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ

НУРУЛЛА-ХОДЖАЕВА

Наргис Талатовна

доктор философских наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12).

E-mail: Nargis.nurulla@gmail.com

Аннотация. Ранняя концептуализация нации и национализма по всей Центральной Азии в конце XIX – начале XX в. была реакцией на завоевание региона царской Россией. Для освоения модернистских проектов бухарское общество купцов и пилигримов с подачи известного татарского просветителя И. Гаспринского, выдвигает новую элиту: джадидов. Большинство джадидов представляли национализм в менее политизированных, незападных красках, т.к. базовой ценностью для них был полиэтничный народ (миллет). В таком контексте джадиды настаивали на первенстве образования и культуры в вопросах развития нации. Сегодняшний интерес к идеям бухарских джадидов, к их интерпретации вопросов развития может помочь сохранить и развить социокультурную многополярность и сформировать нужный для государств региона феномен гражданства.

Ключевые слова: джадидизм, Бухара, Центральная Азия, нация, национализм.

Уникальная особенность национализма заключается, вероятно, в том, что он не может представляться, как другие «измы». То есть, национализм не обладает центральным основополагающим ядром, как, например, социализм или либерализм, и, естественно, он не имеет основоположника. Эта уникальность кроется в его многообразии. Такой подход не совсем согласуется с идеями последователей Эдварда Саида, считавших, что европейское чувство национальности связано с построением Ориентал Другого, и что в самих колониях национализм перекрашивался в соответствии с национальными приоритетами метрополий¹. Можно предположить, что национализм и его социокультурные и политические заимствования не имеют столь универсальный характер, и это видно на примере незападного национализма бухарских джадидов.

Ранняя концептуализация нации и национализма по всей Центральной Азии конца XIX – начала XX вв. была реакцией на завоевание региона царской Россией и ее колониальное господство. Для освоения модернистских проектов бухарское общество купцов и пилигримов с подачи известного татарского просветителя

¹ Саид Э. Ориентализм. Доступ: <http://politzone.in.ua/index.php?id=232> (проверено 09.02.2014).

И. Гаспринского выдвигает новую элиту: джадидов (от араб. усул-и-джадид — новый метод). Многие исследователи предпочитают изображать джадидов как группу, которая «сформировалась в ходе догоняющей Европу модернизации и была одним из итогов этого вынужденного процесса, определяющегося последствиями или опасностью европейской экспансии»¹. Однако джадиды, при всем своем интересе к западным идеям, «отрицали фундаментальную для Запада мысль о приоритете личности»². Их базовой ценностью был полиэтничный народ (миллет), и национализм они представляли в менее политизированных, незападных тонах. Джадиды настаивали на первенстве образования и культуры в вопросах развития нации, т. к. как эта сфера в Бухарском эмирате, с его административным регулированием со стороны эмира и политическими ограничениями царской администрации, все более превращалась в их глазах в набор сложных и бесцельных процедур, сочетающихся с социально чужеродными институтами. Схожий процесс наблюдается в колониальной Индии того времени — это то, что Махатма Ганди назовет «потоком культурной “антиполитики”»³.

До возникновения так называемого печатного капитализма (конец XIX — начало XX в.) особую значимую роль в процессе обсуждения темы наций в Бухаре играла особая социально-коммуникационная культура, которая сохранялась в этом городе благодаря космополитической по европейским меркам специфике (умение ее жителей уважать культуру других народов, не умаляя свою, говорить на многих языках и не питать особого пристрастия к принципу разделения по языкам). На этой основе общество выдвигает концепцию космополитизма (тадж. *ja-honshahrivandi* — гражданство мира). Бухарское общинное воспитание не позволяло акцентировать принадлежность к той или иной этнической группе. Исследователи замечали, что узбеки Бухары называли себя узбеками, хотя говорили исключительно на персидском⁴ (т. е., на таджикском). Так же вели себя и бухарские евреи, сосредоточившие в своих руках всю региональную торговлю, — между собой и с другими они общались на таджикском диалекте. В большинстве своем бухарцы (будучи достаточно продвинутыми в плане масштабной международной коммерции) осознавали свою общность перед лицом внешних обстоятельств и потому были заинтересованы в грамотном руководстве общинным хозяйством, стремясь к введению и развитию интенсивного коммерческо-мануфактурного производства⁵.

¹ Косач Г.Г. Становление современных форм политической жизни на Востоке // История Востока. В 6 т. Т. IV. Кн. 2. Восток в Новое время (конец XVIII – начало XX в.). М.: Медина, 2005. С. 151.

² Валиханова Н.С. Историография национальных движений партий Средней Азии в период 1917–1991 гг.: дис. ... д.и.н. : 07.00.09 / Московский государственный университет сервиса. М., 2001. С. 21.

³ Hansen T.B. The Saffron Wave: Democracy and Hindu Nationalism in Modern India. Princeton: Princeton University Press, 1999. P. 48.

⁴ См.: Сухарева О.А. Бухара XIX – XX вв.: позднефеодальный город и его население. М.: Наука, 1966

⁵ См.: Нурулла-Ходжаева Н.Т. Эвристический потенциал философско-культурологического анализа общины в Центральной Азии // Философия и культура, 2014. № 11. С. 1592-1604.

В местных общинах (махалла) популярными на протяжении веков были собрания, куда приглашались специальные люди (афсанахон, киссакхон, латифагуй и т. д.) для пересказов историй (иногда с кукольными представлениями). Кроме того, во многих общинах были популярны такие социальные институты, как алав-хона (дом огня); хонако (прибежище суфиев и дервишей)¹, схожие с ним далоилхона, корихона; хофизхона (дом, где собирались для чтения стихов); караван сараи (там где собирались послушать рассказы купцов и суфиев о далеких путешествиях); китоб хона (местные библиотеки); чой хона (чайные); особые общинные посиделки: гап, биби сешанбе, мушкил-кушо и т. д.

На собраниях, кроме обсуждений фрагментов Корана (и комментариев к нему), популярными оставались Бедил-хони, Хофиз-хони (обсуждения образов из поэм Бедиля, Хофиза), «Шахнаме» Фирдавси, Руми и т. д. Такие формировали местный национальный колорит, т. к. часто в знаковых сюжетах люди начинали видеть новые менее традиционные интерпретации.

Начало деятельности джадидов в Бухаре связывают с именем известного общественного деятеля Ахмади Дониша (1827–1897) (хотя сам он не называл себя джадидом). А. Дониш был первым среди просветителей Бухары, кто представлял Россию как один из источников знаний, способный перестроить бухарское общество. Он был первым среди бухарцев, кто говорил о необходимости создания парламентской монархии в Бухаре. Благодаря его трудам (его интерпретации истории) тема миллат (нация и государственное строительство) начинает обсуждаться интеллектуалами. Это позволяет шире использовать определенные религиозно-культурные символы, идеи и ценности. Во многом последователи Дониша стали пионерами постановки задачи изобрести и переосмыслить историю. И сделать это не только во имя спасения собственной запутанной идентичности, но чтобы сформировать сплоченную сущность из разрозненно застывшего бухарского общества.

К произведениям по истории конца XIX в. относятся книги: Мулла Алим Мардум Ходжи «История Туркистана»; Мухаммед Салиха «Новая история Ташкента»; Ахмади Дониш «Жизнеописание эмиров священной Бухары»; Мирза Азим Сами «Подарок шаху» (об истории завоевания Бухарского ханства); Мухаммад Юсуф ибн Бабаджанбек Баяни «Династия Хорезмшахов» и др.

Эти книги обсуждались студентами многочисленных медресе Бухары. О числе студентов таких учебных заведений говорили многие летописцы. Например, Мухаммадали Балджуони в книге «Та’рихи нофе’» («Полезная история», написана в 1920-х гг.) писал, что «в Бухаре было около 400 медресе и корихона... и в самых известных их них, а таковых было 78, училось 34 тыс. студентов»². Н. В. Ханыков считал, что в Бухарском

¹ Бартольд В. Погребение Тимура // Сочинения. Т. II Ч. 2. М.: Наука, 1964. С. 30

² Балчуони М. Таърихи нофеъи // Балчуони, Мухаммадали ибни Мухаммадсайид. Душанбе: Ирфон, 1994. С. 32.

эмирате было около 180–200 медресе. В каждом из них было 180–200 студентов. То есть, речь идет о 15–16 тыс. чел., что составляло 1/6 от всего населения эмирата¹. Абдурауф Фитрат в книге «Баеноти Саехи Хинди» («История индийского путешественника», 1912 г.) писал о 200 известных бухарских медресе². Эти цифры дают представление об общей картине образовательной системы древнего города. Правда, качество такого образования вызывало сомнения у многих современников, тем не менее масштаб способен поставить под вопрос известный миф о неграмотности народов региона до октября 1917 г.

Среди джадидов Бухары, Самарканда и других городов были известные общественные деятели: М. Хайрат (1878–1902), А. Савдо (1823–1873), мулло Икромча (1847–1925), Садриддин Айни (1875–1954), Туракул Зехни (1891–1983), Садри Зие (1867–1932), Мухаммаджон Муками (1851–1903), Махмудходжа Бехбуди (1875–1919), Накибхон Туграл (1864–1919), Закирджон Фуркат (1858–1909), Аваз Отар (1884–1919), Абдукадир Шакури (1875–1943), Абдулвохид Мунзим (1877–1934), Хамза Хакимзода Ниязи (1889–1929), Абдурауф Фитрат (1886–1937), Абдукадыр Мухиддинов (1892–1934), Файзулло Ходжаев (1896–1938) и др. В большинстве своем они имели возможность учиться в лучших медресе города и знали о недостатках и достоинствах системы. Фитрат писал по этому поводу: «Вот она, священная Бухара, воспитавшая 400 тысяч учебных и разславшая во все концы мира. Раньше она была владычицей таких могучих научных сил... Теперь увы! К великому несчастью, я сознаю, что это... при наличии всех путей для прогресса [Бухара] стала страной окруженной горами глупости и закованной в цепи презрения!»³. Выход из этого кризисного состояния, по мнению джадидов, может принести модернизация образовательной системы, которая веками оставалась основой жизни в Бухаре. По этой причине джадиды знакомят молодежь с новыми методами образования, также помогая наиболее одаренным из них уехать учиться за пределы эмирата. По некоторым архивным данным около 250 студентов из Бухары в 1913 г. учились в Турции⁴.

С другой стороны, увлечение Турцией не означало, что джадидов можно представить как пантюркистов (как считали советские исследователи⁵). Хотя среди них были и такие, однако в большинстве своем они ссылаются на реформаторские идеи младотурков как на полезные, что, однако, не означало отказ от собственного видения развития. Такой патриотизм отразился во всех начинаниях джадидов, и в особенности в создании школ нового образца. То есть, идеи И. Гаспринского не просто получили поддержку в регионе, джадиды пред-

¹ Ханьков Н.В. Описание Бухарского ханства. С. 223. Доступ: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Nanykov1/text2.htm> (проверено 09.01.2014).

² Фитрат А. Рассказы индийского путешественника // Звезда Востока, 1990. № 7. С. 134.

³ Там же. С. 146.

⁴ Базарбаев К.К. Движение младотурков и туркестанский джадидизм: сходство и особенности. Доступ: <http://konferent.ru/nauka/1220> (проверено 15.10.2013).

⁵ См.: Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.

ставляли школы, в которых они комбинировали современные методы преподавания и сохраняли наиболее пригодные (по их мнению) принципы традиционной школьной системы. В таких школах вводилось преподавание истории нового образца, и первым это сделал джадид Мунаввар Кари.

Особую роль джадиды сыграли в распространении коммуникационных издательских технологий по региону. Вероятно, начиналось это с распространения газет. Благодаря тесным связям бухарских купцов с Индией, жители получают газеты, издаваемые там на таджикском-фарси, например газета «Ахбар», учрежденная еще в 1798 г. Позднее популярными становятся индийские газеты, издаваемые в том же формате, такие как «Мир'ат ул Ахбар», «Хабл ук Матин»¹. Купеческие караваны из Египта наряду с традиционными товарами стали также завозить издаваемые там на фарси газеты «Парвариш», «Чехранамо»². В последних декадах XIX в. и в начале XX в. на издательский рынок поступают другие персидские и тюрко-татарские журналы и газеты, среди которых «Тарджуман» И. Гаспринского, «Мулла Насреддин» (Азербайджан), «Вахт» (Оренбург) и др.

Понимая значимость издательского дела, многие джадиды становятся, говоря современным языком, во главе больших медиакомпаний. По всему региону с началом века резко увеличилось число полиграфических единиц, их годовая производительность составляла 81,2 млн экз. газет, журналов, книг и т. д.³ Канадский исследователь Харолд Иннис (Harold Innis) прав, когда пишет, что именно информация по коммуникационным технологиям сформировала историю человечества, повлияв на нее больше, чем любое другое течение развития⁴.

В начале века (с 1906 г.) особенной популярностью пользовались местные газеты: «Сарт», «Тараккий» (редактор А. Абидов), «Шухрат» (редактор А. Авлони), «Хуршед», «Садои Туркистон» (редактор У. Ходжаев), «Самарканд», «Оина» (редактор М. Бехбуди), «Турон» (редактор Г. Хусейни), «Бухорои Шариф» (редактор М. Юсуфзаде), Хуррият (редактор М. Абдурашидханов), «Осие» (редактор А. Бектемиров) и др. Все местные газеты/журналы, а также привозимые издалека создают условия, стимулирующие интерес к формированию инновационных для региона идентичностей (в эту тематику можно включить газетные обсуждения феномена билингвизма, модернизации ислама, суфийские интерпретации образовательных проектов и т. д.).

Ключевыми программными документами для большинства джадидов стали некоторые труды М. Бехбуди, такие как пьеса «Падаркуш»

¹ Абдуллоев М. «Бухорои шариф»: трудный путь зарождения таджикской журналистики. 07.03.2013. Доступ: <http://news.tj/ru/newspaper/article/bukhoroi-sharif-trudnyi-put-zarozhdeniya-tadzhikskoi-zhurnalistiki-0>

² Там же.

³ Халид А. Узбекистан: рождение нации Доступ: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/4/ha5.html> (проверено 07.09.2011).

⁴ Innis H. The Bias of Communication. Toronto: University of Toronto Press, 1951. P. 28.

(на тадж.), поставленная в 1913 г. любительской труппой под руководством Убайдуллы Асадуллаева, и «Мухтасари та'рихи Ислом» (тадж.), а также А. Фитрата — брошюра «Муназара» (на тадж. яз.); Мухтасари та'рихи Ислом» (тадж.). В этих произведениях открыто говорится о необходимости реформирования системы просвещения с целью развития собственных национальных интересов. Оба автора говорили о сосуществовании и развитии ислама и нации. По этой причине и Бехбуди, и Фитрат пишут историю ислама и называют ее одинаково: «Мухтасари та'рихи Ислом» («Краткая история ислама»).

Так, М. Бехбуди писал: «...Вы, уважаемые, должны стараться учить своих детей современным знаниям, чтобы они служили религии и нации, а служба нации и религии возможна лишь знаниями и деньгами»¹. «Путь освобождения», согласно Фитрату, основан на понимании Корана, и поэтому бухарцам необходимо создать союз патриотов, способный удовлетворить четыре «основные потребности» нации: в знаниях, земледелии, торговле, религии.

Оба автора считают, что кризис возник по причине того, что жители Самарканда и Бухары живут в соответствии с идеями и идеалами прошлых лет. Отчуждение от примет времени подводит людей к оглядке на наследие прошлого, ведет к отказу от диалога как внутреннего, так и с внешним миром. Джадиды считали, что религия может стать эффективной силой в деле формирования осознанного понимания ценностей нации. И поэтому они призывают не к слепому следованию буквы Корана, а предлагают рассматривать тот или иной вопрос, руководствуясь его духом и принимая во внимание перемены в условиях жизни людей. Предлагаемый синтез нации и религии в теории развития бухарских джадидов можно представить как аналитическое обоснование процесса (однако до уровня доктрины, как у младотурков, теория джадидов не дошла). Сложная социально-политическая игра между царской администрацией и эмиром и, позднее, революционные перипетии не позволили усовершенствовать систему джадидских школ и создать на их основе собственное высшее учебное заведение по типу университета (как, например, это было сделано движением Саид Ахмад Хана в мусульманской Индии). Однако бухарские джадиды первыми инициировали обсуждение синтеза нации, культуры и религии, спроектировав тем самым вариант мозаично социокультурной идентичности. Они понимали, что яркая гетерогенность бухарского общества (таджики, евреи, сарты, тюркоязычные народы, индусы и т. д.) делала невозможным создание проекта единой моноидентичности. Об этом писал А. Фитрат в своем обращении к народу Бухары как к «благородной нации Бухары», как к «единой нации»², состоящей из многочисленных общин.

¹ См.: Джадидия ва дурнамои таърих // Садои шарк, 1990. № 3. С.129-139.

² Фитрат А. Давраи хукмронии амир Олимхон. Душанбе: Палатаи давлатии китобхо, 1991. С. 23.

Однако с 1917 г. джадиды перестают говорить о многообразии социальной нации и начинают позиционировать себя как «агентов» одной нации. Это связано с тем, что советский режим имел гораздо больше амбиций, чем царизм, в плане вмешательства в общество и его дальнейшего преобразования. Кроме того для Ленина «национальный» и «колониальный» вопросы были полностью переплетены, и это было ключевой особенностью глобальной стратегии коммунизма. Такое сочетание обстоятельств позволило многим джадидам присоединиться к новой власти, и с этого времени можно говорить о начале политического этапа джадидизма.

Джадиды Бухары и Туркестана своими проектами вольно или невольно подтолкнули власть к идее размежевания региона на несколько административно-национальных единиц. Первой была создана Узбекская ССР со столицей в Ташкенте. Торопливая реализация планов по декларированию наций в Центральной Азии в 1920-х гг. превратила «сообщество мусульман Туркестана» в узбекскую нацию. Одна из причин того, что Бухара утратила свой статус столицы государства, заключается в том, что инициировать разговоры о национальной идентичности в этом городе было особенно сложно. Это объясняет, почему в советское время столицы переносились или в деревни (которые сразу объявлялись столицами, как это было с Душанбе), или в менее авторитетные, но более современные города (Ташкент).

Внедрение советского уклада было подкреплено Декларацией о праве наций на самоопределение и инородной для региона пролетарской идеологией (местного пролетариата не было). Советское государство, обладавшее огромными ресурсами для мобилизации, развернуло идеологическую борьбу с общинно-религиозной культурой путем переписи населения. И после громкого заявления И. Сталина о том, что в «Советский Союз входят... около 60 наций, национальных групп и народностей. Советское государство есть государство многонациональное»¹, официальные данные переписи населения были приведены в соответствие с директивой вождя.

Период независимости

Процесс реконфигурации прошлого никогда не закончится, несмотря на выборочное использование истории со стороны правящей политической элиты во всех современных центральноазиатских республиках. Все чаще регистрируются вспышки периферийного национализма в ответ на национализм титульной группы. Это замечено, например, в Горном Бадахшане (Таджикистан), Каракалпакстан (Узбекистан), Ферганской долине (Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан), Чимкенте (Казахстан).

¹ Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. // Сочинения. Т. XIV. М.: Писатель, 1997. С. 124.

Нынешний национализм во всех республиках остается синтетической конструкцией, построенной на комбинации реальных или изобретенных групповых характеристик, таких как язык, этничность, религия и т. д. Он эффективно работает, для того чтобы изолировать индивидуума и скрыть неравенство в обществе, т.к. неотъемлемой чертой этой идеологии является неприятие различий в любом варианте, включая те, что существуют между членами одной нации. В соответствии с этими принципами было разработано упрощенное, но от этого не менее увлекательное описание нации в туркменской «Рухнаме»: «Туркменская нация — облюбованная Господом нация... туркмены потому великий народ, что сумели заставить и своих, и чужих историков признать свой возраст — 5 тыс. лет»¹. Такого рода декларации доказывают следующий тезис: даже если неравенство признано, идеологи современного национализма могут легко уйти от проблемы перераспределения средств, т.к. бедность и сопутствующие ей преступность и неграмотность могут быть признаны темами, неуместными в политико-правовой доктрине национальной безопасности. В этой связи можно сослаться на выступление президента Республики Узбекистан И. Каримова, заявившего: «Будущее нашего народа прежде всего зависит от <...> национального сознания»². Или иначе, национализм подпитывает миф о важности сильного государства, сильного народа и сильного лидера, снижая тем самым социокультурный общинный потенциал.

Однако, думается, возвращение к идеям бухарских джадидов, к их интерпретациям вопросов нации и религии может помочь сохранить и развить социокультурную многополярность и сформировать нужный для государств региона феномен гражданства. И это не будет очередным «воображаемым сообществом». Известно, что таджик Самарканда (Узбекистан) или же узбек Ходжента (Таджикистан) относительно легко принимают гражданство, однако сложнее их убедить поменять нацию. То есть, гражданство является легально признанной концепцией, тогда как национальность — это синтез социокультурных, социогеографических и патриотических чувств. Учитывая это, джадиды говорили о социальной нации, той, которая может вобрать в себя концепцию современного гражданства, сохраняя и усиливая основы местного гражданского общества — общинность. В этом контексте этнокультурная идентичность в регионе может быть представлена многофункциональным феноменом, сформировавшимся не только под влиянием жестких политических катаклизмов XX в., но и в результате развития этнокультурных и религиозных концептов на протяжении всей истории этого сложного региона.

¹ Рухнама // LITMIR.net. Доступ: <http://www.litmir.net/br/?b=20807&p=27> (проверено 21.06.20110).

² Анализ выдвинутых президентом Узбекистана И. Каримовым концепций национально-духовного становления народа и пути обновления и развития независимого Узбекистана // Анализ духовности. Доступ: http://library.tuit.uz/el_ucheb/osnovy_duhovnosti/p1.htm (проверено 01.09.2014).

Литература

Абдуллоев М. «Бухорои шариф»: трудный путь зарождения таджикской журналистики 07.03.2013. Доступ: <http://news.tj/ru/newspaper/article/bukhoroi-sharif-trudnyi-put-zarozhdeniya-tadzhikskoi-zhurnalistiki-0> (проверено 01.11.2014).

Анализ выдвинутых президентом Узбекистана И. Каримовым концепций национально-духовного становления народа и пути обновления и развития независимого Узбекистана // Анализ духовности. Доступ: http://library.tuit.uz/el_ucheb/osnovy_duhovnosti/p1.htm. (проверено 01.09.2014).

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

Базарбаев К.К. Движение младотурков и туркестанский джадидизм: сходство и особенности. Доступ: <http://konferent.ru/nauka/1220> (проверено 15.10.2014).

Бартольд В. Погребение Тимура // Сочинения. Т. II. Ч. 2. М.: Наука, 1964.

Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. 231 с.

Валиханова Н.С. Историография национальных движений партий Средней Азии в период 1917–1991 гг.: дис. ... д. и. н.: 07.00.09 / Московский государственный университет сервиса. М., 2001.

Косач Г.Г. Становление современных форм политической жизни на Востоке // История Востока. В 6 т. Т. IV. Кн. 2. Восток в Новое время (конец XVIII — начало XX в.). М.: Медина, 2005. С. 151.

Нурулла-Ходжаева Н.Т. Эвристический потенциал философско-культурологического анализа общины в Центральной Азии // Философия и культура, 2014. № 11. С. 1592–1604.

Рухнама//LITMIR.net. Доступ: <http://www.litmir.net/br/?b=20807&p=27>. (проверено 21.06.2011).

Саид Э. Ориентализм. Доступ: <http://politzone.in.ua/index.php?id=232> (проверено 09.02.2014).

Сухарева О.А. Бухара XIX–XX вв.: позднефеодальный город и его население. М.: Наука, 1966.

Фитрат А. Рассказы индийского путешественника // Звезда Востока, 1990, № 7.

Халид А. Узбекистан: рождение нации. Доступ: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/4/ha5.html>. (проверено 07.09.2011).

Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. С. 223. Доступ: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Hanykov1/text2.htm> (проверено 09.01.2014).

Балчувони М. Таърихи нофеъи. Душанбе: Ирфон, 1994. 172 с.

Джадидия ва дурнамои таърих // Садои шарк, 1990. № 3. С. 129–139.

Фитрат А. Давраи хукмронии амир Олимхон. Душанбе: Палатаи давлатии китобҳо, 1991.

Hansen T.B. The Saffron Wave: Democracy and Hindu Nationalism in Modern India. Princeton: Princeton University Press, 1999. 328 p.

Innis H. The Bias of Communication. Toronto: University of Toronto Press, 1951.

The Islamic world of Asia and Africa: traditions and modernization

JADIDS OF BUKHARA AND NON-WESTERN NATIONALISM

Nargis T.

NURULLAH-KHODJAEVA

Dr. Sci. (Philos.), senior researcher,
Institute of Oriental Studies
(12, Moscow, Rozhdestvenka str., 107031,
Russian Federation).
E-mail: Nargis.nurulla@gmail.com

Abstract. Early conceptualization of nation and nationalism across Central Asia in the late 19th – early 20th century was a reaction to the conquest of the region by tsarist Russia. For the development of contemporary society projects Bukhara merchants and pilgrims on the famous Tatar educator I. Gasprinskiy’s advice puts forward a new elite – they were Jadids. Most of Jadids demonstrate less politicized nationalism of non-Western orientation, as basic value for them was multiethnic nation (millet). In this context Jadids insisted on the primacy of education and culture in the development of the nation.

Today’s interest in the ideas of Bukhara Jadids, in their interpretation of development issues can help to preserve and develop the socio-cultural multipolarity and shape the phenomenon of citizenship desired for the countries of the region.

Keywords: Jadidism, Bukhara, Central Asia, nation, nationalism.

